

ПОСЛЕДНЯЯ ВЕСНА

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

I

Шестая неделя, а еще совсем зима.

Встал в пять часов, оделся и вышел из дому. Какая радость, молодость, этот предрассветный час! Валенки, полушубок- все счастье. Еще ночь, глухо и снежно. В темном небе только чудится рассвет. Первый сладкий вздох свежестью, когда вышел на крыльцо. Пахнет новым снегом. Как неживые поют по всей деревне петухи.

После обеда ездил к селу Знаменскому. Сани с круглым задком, набитые старновкой, екает селезенкой крепкий пегий мерин. Поля очень белы, их белизна, сливаясь с бледно-серым небом, погружается в оцепенение. Вдали все смутно, зыбко. Черно сереют инеем леса.

В Знаменское заехали с задов. Глушь, пустота, все занесено снегом. Огромные горбы, сугробы между избами и пуньками. Въехав в село, сбились, не знали, по какой дороге ехать назад. А дело уже к сумеркам, стало холодать, леса вдали еще больше засерели изморозью, мерин весь оброс инеем... Наконец, из-за сугроба, из маленькой черной двери потонувшей в снегу избы, вылез мужик и, не проваливаясь, в разбитых валенках, перешел по сугробам к нам. Узкая рыжая борода, тонкий восковой нос, легкий армяк и ореховая (из лошадиной шкуры) шапка. Подойдя, сперва внимательно оглядел пестрыми глазами лошадь, сани, нас, потом не спеша сказал мне:

- А ты, государь милый, не тут едешь. Тут дороги нету. Табельная дорога там. Поезжай за мной...

И повел лошадь, переваливая нас с сугроба на сугроб...

Вечером пошли на Прилепы, в господское поместье, арендуемое несколькими семьями мужиков. Огней в деревне уже нет - только в двух, трех избах сонные, притушенные лампочки. Морозно, душисто.

В поместье огонь только у Сергея Климова. Над избой хмуро сереют в темном небе высокие деревья. Обступили грубо забрежали собаки. Хлопнула дверь, вышел Федька.

- Не спят еще?

- Никак нет.

- А мы к Тихону Ильичу.

- Милости просим.

В избе теплая густая вонь, пар от мокрых ветошек из лоханки, под ногами чавкает мокрая, с грязью солома. Лубочные картинки в бревнах стен, потные. С почки торчат, глядят головы мальчишек. Невестка Тихона Ильича стирает в корыте белье, внучка, девка лет пятнадцати, собирается спать, перекрывает платок, стоит в одной суровой рубаше. Сам Тихон Ильич, согнувшись, сидит на печи, упершись в нее ладонями, спустив над хорами, на которых спят другие мальчишки, ужасные ноги-палки в старых портках. Лицо бледное и опухшее, борода висит, глаза текут слезливым блеском. Стал говорить о смерти, утверждать, что вот-вот умрет и что ничуть не боится.

Заговорили о войне, Федька и баба стала хвалить заграничное житье, о котором рассказывают пленные. Вот, например, ученье в школах - у нас и у немцев... У нас все учительницы, а их никто не слушается - "и что они могут знать? "

Тихон Ильич слушал, склонив голову, потом сказал:

- Все пустое. Нехай воюют. Спокон веку воевали и опять будут воевать. И ученье это ни к чему. А вот помереть великим постом, особливо на страстной, либо всего лучше в Светлый день - вот это, господа, не всякому бог дает такую радость...

II